

алексей
ПУШКОВ

**от давоса
до куршавеля**
где решаются судьбы мира?

Политические тайны XXI века

Алексей Пушков

**От Давоса до Куршавеля.
Где решаются судьбы мира?**

«Алисторус»

2011

Пушков А. К.

От Давоса до Куршавеля. Где решаются судьбы мира? /

А. К. Пушков — «Алисторус», 2011 — (Политические тайны XXI века)

В своей новой книге известнейший российский политолог, профессор МГИМО, популярный телеведущий программы «Постскриптум» Алексей Пушков делится своим видением мировых политических и экономических перспектив, дает оценку последним громким событиям – переговорам по ядерным вооружениям, форуму в Давосе, пожару в «Хромой лошади»... Автор не боится затрагивать острые темы, ведет откровенный разговор с читателем.

© Пушков А. К., 2011

© Алисторус, 2011

Содержание

Москва – Вашингтон: состоялась ли «перезагрузка»?	5
«ПЕРЕЗАГРУЗКА» В ПОЛИТИКЕ США: СТРАТЕГИЯ ИЛИ ТАКТИКА?	5
ДИЛЕММА ВАШИНГТОНА: МОЖНО ЛИ «ЗАБЫТЬ» О ПУТИНЕ?	10
АМЕРИКАНСКАЯ ПРО В ЕВРОПЕ: КАК РАСЦЕНИТЬ РЕШЕНИЕ ОБАМЫ?	14
МЕДВЕДЕВ – ОБАМА: ОСОБЫЕ ОТНОШЕНИЯ	17
КОМПЛИМЕНТЫ И РЕАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Алексей Константинович Пушков

От Давоса до Куршевеля.

Где решаются судьбы мира?

Москва – Вашингтон: состоялась ли «перезагрузка»?

«ПЕРЕЗАГРУЗКА» В ПОЛИТИКЕ США: СТРАТЕГИЯ ИЛИ ТАКТИКА?

Что такое «перезагрузка» и чем она вызвана? Почему Барак Обама, вместо того чтобы пойти по стопам администрации Буша и попытаться подвергнуть Россию изоляции после войны августа 2008 года с Грузией, поступает обратным образом? И вместо изоляции предлагает Москве особые отношения, словно пятидневной кавказской войны не было и в помине?

На это есть серьезные причины. И дело не только в стремлении новой, демократической администрации занять другую позицию, чем занимала прежняя республиканская администрация.

«Перезагрузку» можно определить как насущную потребность в координации политики и согласовании национальных интересов сторон перед лицом новых вызовов глобализации, а также необходимости решения острых международных кризисов. Именно так представляет «перезагрузку» в отношении с Россией внешнеполитическая доктрина Барака Обамы.

Вместе с тем «перезагрузка» может рассматриваться и как набор тактических ходов и политических приемов с целью получения необходимой для администрации США поддержки со стороны России. В этом смысле «перезагрузка» – не более чем смена тактики, вызванная стремлением превратить Москву во временного, инструментального партнера Вашингтона. Насколько можно судить, именно так воспринимает «перезагрузку» большая часть администрации Обамы, и прежде всего такие ее ключевые фигуры, как вице-президент Джозеф Байден и госсекретарь Хиллари Клинтон.

Однако в любом случае было бы неверно ограничивать «перезагрузку» лишь российско-американскими отношениями. В ней нашла свое проявление реакция США на глубокие процессы, происходящие в современном мире.

«Перезагрузка» как императив

Три крупных фактора обусловили пересмотр американской внешней политики и новые подходы администрации Обамы к мировым делам.

Во-первых, после провала политики односторонних действий администрации Буша, которая завела Соединенные Штаты во внешнеполитический тупик и была отвергнута самими американцами на последних выборах, администрация Обамы была вынуждена вернуться к «многосторонней политике». То есть радикально изменить прежний подход и начать привлекать – для решения стратегических задач США – ведущие державы современного мира, включая Россию и Китай.

Второй императив, который повлиял на сдвиги в американской внешней политике, – объективная потребность в широком международном сотрудничестве. Мы привыкли к этим словам и часто воспринимаем их как банальность. Однако в начале XXI века, с возник-

новением глобального мира и характерных для него глобальных кризисов, и прежде всего финансово-экономических, с серьезными изменениями климата и с угрозой распространения оружия массового поражения, эта потребность стала действительно объективной. Без такого сотрудничества ни одна страна, какой бы мощной она ни была, не способна не только решить этих проблем, но и создать базовые условия для собственной безопасности.

В-третьих, с политическим поражением США в Ираке мир вступил в эпоху «многополярности». Это признано повсюду в мире, включая сами Соединенные Штаты. Причем этот феномен отличается от «концерта великих держав» XIX века и от их соперничества в веке XX. Речь идет о возникновении нескольких полюсов политической и экономической мощи – США, Евросоюз, Китай, Россия, Бразилия, Индия – в качественно новых условиях – в условиях глобализации.

Глобализация, превращающая мир в единое целое, придает «многополярности» новое качество. Крупные центры силы уже не могут просто соперничать между собой, как в XVIII–XX веках. В условиях глобализации между ними возникает глубокая взаимозависимость.

Фактически разные «полюса» не могут обеспечить выполнение ряда своих национальных интересов, действуя независимо от других «полюсов». Это новое качество современного мира требует и новых форм согласования политики. Отсюда, например, такой новый феномен, как «Большая двадцатка». Обама и его мышление, во всяком случае – официальное мышление, которое позволило ему стать президентом США и самым популярным мировым лидером конца первого десятилетия XX века, – ответ на такую потребность. В этом, собственно, и состоит «феномен Обамы».

Четвертый императив был продемонстрирован глобальным кризисом. Выяснилось, что все страны сегодня подвержены беспрецедентному сочетанию трех видов кризиса: экономического, энергетического и экологического. Хотя острого энергетического кризиса в последние годы не наблюдается, его призрак гуляет по миру и ставит вопрос о ресурсной базе человечества. Этот латентный кризис периодически обостряется. С сочетанием трех видов кризиса ни одно государство также не способно справиться в одиночку.

Все это происходит на фоне предсказанного многими теоретиками относительного ослабления США и Запада в целом. Наиболее известен из них Самюэль Хантингтон, автор труда «Столкновение цивилизаций» (Samuel Huntington. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York, 1996). Хантингтон точно предсказал динамику падения относительной роли США и Запада в XXI веке и возрастание удельного веса новых центров силы. Прогноз был подтвержден ходом событий: в 2005 г. развивающиеся экономики произвели товаров и услуг больше, чем развитые экономики. 2005 год стал революционным, переломным годом в этом отношении.

«Перезагрузка» и отказ от политики «унилатерализма», то есть политики односторонних действий со стороны США, – отражение также и этой реалии. Правящий класс Соединенных Штатов в лице своих лучших представителей прекрасно понимает, что в условиях падения удельного веса США в мировой экономике они уже не могут проводить ту внешнюю политику, на которую были нацелены до сих пор.

Барак Обама и «старое мышление» правящей элиты

Вместе с тем, многое сдерживает позитивный процесс осознания нового феномена – феномена нарастающей взаимозависимости. Внешнеполитическое мышление в ряде государств, осознание стратегических целей и национальных интересов во многом остается прежним, т. е. унаследованным от XX века. Мир вступил в век XXI, мир вступил в эпоху глобальности, а восприятие национальных приоритетов и интересов меняется очень медленно. Администрация Буша дала пример устаревшего подхода к стратегическим задачам Америки

и инструментам достижения этих задач. Из-за этого администрация Буша и оказалась чрезвычайно неудачной. Я бы назвал ее «провалившейся администрацией» (failed administration).

Избрание Обамы – подтверждение того, что в США появилось осознание необходимости другого подхода. Национальный инстинкт США сработал правильно – он сработал на сохранение американского лидерства в новую эпоху. Если бы вдруг на выборах победу одержал сенатор Маккейн и США упорствовали в своем прежнем курсе, то падение их роли было бы ускоро. Поэтому Обама – это президент Соединенных Штатов эпохи многополярного мира, в то время как Буш был президентом Соединенных Штатов конца того периода, который сами американские теоретики называли «однополярным моментом» («unipolar moment»). Так обозначают сравнительно короткий период между резким ослаблением и распадом Советского Союза – 1990–1991 гг. – и политическим поражением США в Ираке, которое стало очевидным в 2004–2005 гг.

В современной истории был «однополярный момент», и администрация Буша в полной мере была администрацией «однополярного момента». Однако он уже позади. Обама пытается стать эффективным президентом США в условиях «многополярности», которая утвердилась надолго. В этом смысле президентство Обамы создает новые возможности, в том числе и для развития отношений между США и Россией, так как в его мышлении и внешнеполитической доктрине содержится признание того, что Соединенные Штаты должны активно взаимодействовать с другими державами на мировой арене, а не пытаться жестко диктовать им свою волю.

Каковы же факторы, подрывающие перспективы перехода США к качественно новой внешней политике?

Во-первых, Обама во многом остается заложником прежних целей американской внешнеполитической стратегии. Система стратегических задач и установок не пересмотрена. Этот парадокс отметил немецкий журнал «Шпигель». Выслушав речь Обамы по Афганистану, произнесенную 1 декабря 2009 года в военной академии в Вест-Пойнте, обозреватель журнала пришел к выводу, что это была «речь нобелевского лауреата войны». То есть Обама – «президент мира», Обама – дитя XXI века, Обама-«антиБуш» парадоксальным образом пошел по тому же пути, что и Буш – президент, отброшенный современным развитием, а именно – пошел по пути эскалации войны в Афганистане. И при Обаме США пытаются проводить политику, которую проводили США при Буше. «Шпигель» был не одинок в своей оценке: речь, с которой выступил Обама, как отмечали многие европейские обозреватели, мог бы произнести и Дж. Буш. Обама, казалось бы, мыслит иначе. Однако таковы императивы, продиктованные американской внешнеполитической стратегией и сохранившимся от прошлого мышлением американской политической элиты.

Второй фактор – одиночество Обамы. Представляется, что Обама по типу своего мышления находится в большом отрыве от собственной администрации. Ее взгляды точнее отражает вице-президент Джозеф Байден, который представляет традиционалистские подходы и периодически делал заявления, идущие вразрез с тем, что говорил президент США. Вспомним известное интервью Байдена газете «Уолл-стрит джорнэл» от 28 июля 2009 года. Суммируя сказанное Байденем, газета вынесла в заголовок такую фразу: «Ослабленная Россия подчинится Соединенным Штатам». В интервью Байден, в полном соответствии с логикой «холодной войны», доказывал, что через несколько лет Россия, ослабленная внутренними проблемами, будет вынуждена «встать на колени» перед США. Создается впечатление, что в этом интервью нашло отражение мышление большей части администрации Обамы, не говоря уже о конгрессе США и американской политической элите в целом.

Третий момент – тактический характер изменений, объявленных администрацией. США еще не созрели для глубокого переосмысления системы национальных интересов. В 2007 году в Давосе я спросил Джорджа Сороса о том, насколько повлияла на политическое мышление

американских правящих кругов неудача в Ираке и будет ли она иметь такое же воздействие на это мышление, как поражение середины 70-х годов во Вьетнаме. Джордж Сорос, известный своей критикой администрации Буша и незадолго до этого опубликовавший книгу «Пузырь американского превосходства» (George Soros. *The Bubble of American Supremacy*. New York, 2004), на это ответил так: «Для того чтобы началась глубокая перестройка внешнеполитических подходов, Америка должна потерпеть такое же поражение, как в Ираке, как минимум еще в двух войнах». И это не выглядит как преувеличение.

В России такая перестройка произошла в конце 1980 – начале 1990 годов – и была очень глубокой. Именно тогда была пересмотрена система наших национальных интересов. Прежде всего, мы отказались от представления, что способны на базе определенной идеологии моделировать мир «под себя». Сегодня в этом – основная разница между нами и США. США по-прежнему исходят из идеологии моделирования мира, т. е. всемогущества. Даже если администрация Обамы ввела ряд изменений во внешнюю политику, базовая идеология Соединенных Штатов остается прежней. В России же утвердился другой подход: мы должны участвовать в формировании мирового развития, корректировать его, балансировать негативные тенденции, сотрудничать с другими странами в областях, где можно такие тенденции остановить или ослабить. Но в России нет ощущения того, что она держит Бога за бороду. В США оно по-прежнему сохраняется. А потому система внешнеполитических интересов не пересматривается.

Даже после избрания Обамы президентом в США не начались серьезные дебаты относительно характера и целей американской внешней политики. Обсуждается ее инструментарий, обсуждаются тактические ходы, как лучше при Обаме добиться примерно того же самого, чего пытался добиться Буш. Таким образом, мировая система изменилась, но идея американской гегемонии по-прежнему жива. В США еще долго под термином «американское лидерство» будут понимать американскую гегемонию. А термин «лидерство» использовать лишь как вежливое, политкорректное обозначение американской гегемонии. Сам Обама, ощущая это противоречие, настойчиво пытается изобразить Америку как лидера среди партнеров. Но американская политическая элита по-прежнему думает о гегемонии.

Соперничество продолжается

Что осложняет и будет осложнять «перезагрузку» в российско-американских отношениях? Прежде всего, это соперничество за влияние и ресурсы на постсоветском пространстве. После прихода Обамы оно стало не столь заметным, как при Буше, но оно сохраняется. Цели США не пересмотрены. Процессы на Украине, в Молдавии, в Грузии, в других республиках на бывшем советском пространстве по-прежнему рассматриваются в США, прежде всего, с точки зрения возможности ослабления России, или, точнее, – усиления влияния США за счет ослабления влияния России.

Второй фактор: США еще не перешли к тому, чтобы рассматривать «перезагрузку» как глубокий пересмотр отношений с Россией. Скорее, они рассматривают ее как паузу в прежней политике. Логика такова: раз не получилось превратить Россию в послушного «младшего партнера» за счет прямого напора, то берется пауза, меняются тактические ходы. Той же цели администрация Обамы пытается добиться не «кнутом», а «пряником». Сам Обама налаживает хорошие личные отношения с президентом Медведевым, пытаясь противопоставить его Владимиру Путину. Такая попытка была предпринята Обамой перед визитом в Москву в июле 2009 года. Буквально накануне визита президент США заявил: мол, с Медведевым у него полное взаимопонимание, а вот Путин «стоит одной ногой в прошлом». Это была грубая попытка противопоставления, но очень показательная. Интервью Байдена также весьма показательно: расчет сделан на то, что Россия все-таки подчинится США, но позже, через какой-то

этап. Такое понимание «перезагрузки» означает, что США хотят другими средствами добиться прежней цели, и подрывает ее перспективы.

Третья серьезная проблема – сохранение ориентации США на расширение НАТО. Хотя периодически администрация США пытается сделать вид, что она от этого фактически отказалась, на самом деле расширение НАТО за счет приема Украины и Грузии остается официальной целью политики США. Официальная доктрина НАТО также гласит, что Украина и Грузия станут членами НАТО, вопрос лишь в сроках. Эту позицию повторяют представители американской администрации, и нет никаких оснований этому не доверять. И хотя в России есть энтузиасты «перезагрузки», которые не хотят этого видеть, но официальная американская политика именно в этом и состоит. Единственное изменение состоит в том, что эту цель временно отодвинули на второй план, поскольку у США есть другие приоритеты – Иран, Ирак, Афганистан. Однако от этой стратегической цели США и НАТО не отказались.

Предстоит также уяснить, в каком направлении пойдет пересмотр администрации прежних планов США, касающихся системы ПРО в Европе.

Пятая проблема вытекает из отношения к России как к временному партнеру. С помощью России США хотели бы, прежде всего, решить иранскую проблему. Иранская проблема играет ключевую роль для американской гегемонии. Если американцы сумеют добиться своего по Ирану, то «американский мир» (Pax Americana) еще какое-то время продлится. Если же США не сумеют этого добиться, то «многополярность» будет устанавливаться гораздо быстрее. Это ключевой вопрос для Америки. Ради его решения – или хотя бы ради создания широкого международного давления на Иран с участием России и Китая – администрация Обамы дала понять, что готова пойти на значительные внешнеполитические подвижки. Проблема же состоит в том, что если эти изменения будут носить временный характер, то новое качество отношений между Россией и США создано не будет. Между тем есть серьезные сомнения в том, что в Вашингтоне к «перезагрузке» относятся как к стратегическому, а не чисто тактическому процессу.

ДИЛЕММА ВАШИНГТОНА: МОЖНО ЛИ «ЗАБЫТЬ» О ПУТИНЕ?

Одной из серьезных и зримых проблем политики «перезагрузки» стало демонстративное стремление администрации Обамы отделить президента Медведева от премьера Путина. По этой причине накануне первого визита Барака Обамы в Москву вспыхнул скандал. Перед приездом в Москву Обама дал высокую оценку своим отношениям с Медведевым, назвав их «очень хорошими», а насчет Путина заявил, что «он одной ногой стоит на старых позициях и методах ведения дел, а другой – на новых». Мировая пресса взорвалась заголовками: «Обама заявляет, что Путин одной ногой стоит в прошлом!» «Обама поддерживает Медведева и осуждает Путина!» В Москве в этом справедливо усмотрели грубую попытку «разводки» с целью ослабления правящего «тандема» и противопоставления Медведева Путину.

Из интервью Барака Обамы агентству «Ассошиэйтед пресс» 3 июля 2008 года: «...Премьер-министр Путин по-прежнему обладает значительным влиянием в России; и я думаю, очень важно, когда мы будем продвигаться вперед с президентом Медведевым, чтобы Путин понял, что старые подходы времен «холодной войны» к американо-российским отношениям устарели и пора двигаться вперед в ином направлении. Я думаю, Медведев это понимает. Я думаю, Путин одной ногой стоит на старых позициях и методах ведения дел, а другой – на новых. И если мы сумеем дать ему и российскому народу ясное ощущение того, что США не стремятся к антагонистическим отношениям, а выступают за сотрудничество в ядерном нераспространении, борьбе с терроризмом, энергетических вопросах, то мы в итоге получим более сильного партнера в этом всеобъемлющем процессе».

Кто же был автором – или, по крайней мере, соавтором – этой неудачной идеи и грубой оплошности, которую совершил Обама накануне своего первого визита в Москву? Предположительно, свою роль сыграли здесь и госсекретарь Хиллари Клинтон, и вице-президент Байден. За этим также могли стоять такие крупные демократы и неформальные советники нового президента, как бывший госсекретарь Мадлен Олбрайт или ее первый заместитель Струоб Талботт, с которыми Обама консультировался по поводу политики в отношении России. Вызывалось также предположение, что за «разводку» активно выступал главный советник Обамы по России Майкл Макфол. До назначения в администрацию Макфол был профессором Стэнфордского университета, до этого несколько лет проработал в Фонде Карнеги в Москве и считался известным специалистом по России. В этом качестве он опубликовал в 2007–2008 годах несколько резко антипутинских статей в ведущих американских изданиях.

Одна из них вышла в начале 2008 года в журнале «Форин аффэрс», издаваемом Советом по внешней политике, под названием «Миф об успехе Путина» (Michael McFaul & Kathryn Stoner-Weiss. The Myth of Putin's Success. «Foreign Affairs», January-February 2008). В статье Макфол и его соавтор доказывали, что созданная Путиным модель развития России, вопреки распространенному мнению, не дала ее гражданам ни процветания, ни стабильности. Причем самым поразительным в статье было даже не отрицание прогресса, достигнутого при Путине, а всемерное превозношение правления Ельцина. Создавалось ощущение, что все то, за что ненавидели Ельцина его сограждане, вызывало у авторов статьи живейшее сочувствие. Напротив, очевидное улучшение экономической ситуации и появление стабильности при Путине – то есть то, что обеспечило ему высокую популярность в России, вызывало у авторов статьи резкое неприятие. Тогда я написал об этом в весьма жестком комментарии, опубликованном в американском журнале «Нэшнл интерест» (Alexey K. Pushkov. The Russian Roulette. «The National Interest», March 3, 2008).

Интересно, что в самих США статья Макфола была воспринята рядом экспертов как откровенно необъективная. В ней не содержалось серьезного анализа достижений и недостат-

ков путинского правления. Зато она была полна пропагандистских клише и чуть ли не личной враждебности авторов к Путину. В схожем духе были выдержаны и другие комментарии Майкла Макфола о России. В частности, он выступил против решения американского журнала «Тайм» назвать Путина в 2007 году «Человеком года».

Казалось бы, в рамках такой логики Макфол должен был занять позицию против «перезагрузки» отношений с «путинским режимом». Но – нет. Вдруг в один голос и американцы, и русские, встречавшиеся с Макфолом, стали говорить, что «Майкл изменился» под влиянием своей должности и готов сильно вложиться в «перезагрузку». Можно предположить, что на позицию Макфола (как и ряда других ключевых лиц в администрации, прежде всего, Хиллари Клинтон) повлияли два решающих фактора: во-первых, стремление Обамы заручиться поддержкой России, и, во-вторых, фактор Медведева. С молодым российским президентом, имеющим репутацию относительно либерального и прозападного политика, в США – оправданно или нет – начали связывать надежды на ослабление путинской «вертикали власти» и отход Москвы от курса, который Россия стала проводить после Мюнхенской речи Владимира Путина. В появлении «тандема» там, где до той поры безраздельно правил один Путин, США увидели для себя «окно возможностей» – возможностей противопоставить Медведева Путину и через это изменить характер российской внутренней и внешней политики.

Не приходится сомневаться, что и «перезагрузка» рассматривалась ее американскими авторами как частично способ перестроить отношения с Москвой на более выгодных для США основах, а частично – как инструмент воздействия на процесс эволюции власти в России. С этой точки зрения антипутинские убеждения Майкла Макфола, от которых он публично не отказывался, вполне сочетались с заинтересованностью в «перезагрузке».

Как бы то ни было, на приеме в Кремле, который 8 июля 2009 года Дмитрий Медведев дал в честь Барака Обамы и его супруги Мишель, я увидел действительно изменившегося Макфола. Главный советник Обамы по России светился энтузиазмом, раздавал улыбки налево и направо, заверял всех в удивительном успехе визита и не ходил, а почти летал по залу приемов Кремля. Кстати, стиль поведения заметно изменил и другой член американской делегации – бывший посол США в Москве Александр Вершбоу, получивший в администрации Обамы пост помощника министра обороны. Это было тем более заметно, что с Вершбоу мы не раз полемизировали в ходе различных дебатов и дискуссий в бытность его послом в Москве. Тогда он походил на «неоконсерватора» с характерной для них идейной жесткостью и непримиримостью. Теперь же я увидел «изменившегося» Вершбоу, который философски заметил: «Времена изменились».

В Москве Обаме пришлось быстро «дать задний ход» и фактически дезавуировать свое собственное заявление о Путине, «стоящем одной ногой в прошлом». К моменту встречи с Путиным 7 июля в Ново-Огареве Обама уже понял, что нужно исправлять ошибку и всем своим видом показывал, что сожалеет о ней. Тем не менее, начало двухчасовой беседы было весьма напряженным. Это было видно и по некоторой скованности Обамы, и по жесткому выражению лица самого Путина, и по сдержанному виду Сергея Лаврова и помощника Путина, бывшего посла России в Вашингтоне Юрия Ушакова. Позже один из присутствовавших на встрече сказал, что Путин прочитал Обаме «часовую лекцию», в которой раскритиковал внешнюю политику США, а Обама внимательно слушал, не перебивая, как аспирант слушает профессора. По итогам общения с Путиным Обама заявил обратное тому, что он сказал в Вашингтоне. Он сказал, что Путин проделал «невероятную работу» на посту президента и продолжает в том же духе, будучи премьер-министром. Позже, в одном из интервью по итогам визита, Обама взял назад и свое заявление о том, что Путин «одной ногой стоит в прошлом».

Так закончился первый скандал эпохи «перезагрузки». Нет, если использовать американское выражение, «химия» между Путиным и Обамой не установилась. И, учитывая «особые отношения» Путина с республиканцем Бушем, установиться в любом случае не могла. Пре-

зидент-демократ Обама выбрал для этого Дмитрия Медведева, что было логично, поскольку Обама и должен был иметь дело, прежде всего, с президентом России.

Что выглядит менее логично, так это то, что линия на противопоставление Медведева Путину была продолжена, хотя и в более корректной форме. Кстати, в отличие от времен Ельцина – Клинтона, когда активно общались вторые лица в руководстве двух стран – Альберт Гор и Виктор Черномырдин, совместной комиссии Путин – Байден создано не было. Вероятно, одна из причин была в том, что Байден не имел политического веса Путина – он никогда не был президентом. Но гораздо более важная причина – Путин остался для администрации Обамы не просто сложным, но и нежелательным партнером.

Это в полной мере проявилось в поведении Хиллари Клинтон. Еще во время предвыборной кампании 2008 года, соревнуясь с республиканским кандидатом – Джоном Маккейном в нападениях на Путина, она заявила: «Буш заглянул в душу Путина. Я могла бы ему сказать, что он был агентом КГБ и по определению не имеет души»¹. Подчеркнуто холодное отношение к Путину Клинтон демонстрировала и уже в бытность госсекретарем США. На вопрос о том, кого она хотела бы видеть президентом России в будущем, она ответила: «Меня вполне устраивает президент Медведев». И высоко оценила его высказывания по правам человека, вопросам демократии. Кроме того, она отказалась согласовать график своего визита в Москву в октябре 2009 года с аппаратом российского премьера. В силу этого тогда не состоялась ее встреча с Путиным: вместо этого она поехала подписывать крупный энергетический контракт в Китай.

Как писал в марте 2010 года в статье «Не забывать о Путине» директор Центра Никсона в Вашингтоне Пол Сондерс, «пока главный пробел администрации на российском направлении – это не отношения между Обамой и Медведевым, а отношения между Обамой и Владимиром Путиным... И непонятно, как Соединенные Штаты могут надеяться существенно улучшить отношения с Россией, не привлекая к этому Путина».

По мнению автора статьи – и мнению оправданному, от Путина во многом зависит позиция России и по ядерному разоружению, и по Ирану, и другим важным для США вопросам. В таких условиях пытаться игнорировать его для США контрпродуктивно. Кроме того, высказывает предположение Сондерс, «критика в адрес Путина – какими бы ни были его недостатки – не поможет Медведеву и, более того, может повредить ему», поскольку «будущее Медведева во многом по-прежнему зависит от его премьер-министра».

«Если в попытках усилить роль Медведева и есть какая-то логика, – продолжает Сондерс, – то она автоматически и немедленно подрывается тем, что администрация, хваля Медведева и налаживая с ним сотрудничество, открыто критикует могущественного премьер-министра и пренебрегает им. Вот настоящий изъян политики администрации Обамы в отношении России» (Paul Saunders. Giving Putin his Due. «Foreign Policy», March 26, 2010).

Похожие оценки давали в том же издании два других американских автора – Джейми Флай и Гэрри Шмитт (Jamie Fly & Gary Shmitt. Obama is Making Bush's Big Mistake on Russia. «Foreign Policy». March 23, 2010). По их убеждению, Обама совершил ту же ошибку, что и Джордж Буш, который полагал, что наладив хорошие отношения с Путиным, он сумеет решить все проблемы. Медведев – один из немногих зарубежных лидеров, с которыми Обама установил подчеркнуто теплые отношения – в противовес Путину. И теперь Обама исходит из того, что эти отношения независимы от Путина. Но именно здесь, подчеркивали авторы статьи, Обама совершает ошибку.

Однако, судя по развитию событий на лето 2010 года, администрация была не намерена эту ошибку исправлять. Роль «амортизатора» и неформального «контактера» Путина была выделена бывшему президенту США и действующему мужу Хиллари Клинтон Биллу Клин-

¹ Хиллари Клинтон имела в виду ставшее знаменитым и вызвавшее целый вал критики высказывание Буша о Путине после их встречи в Любляне в июне 2001 года: «Я заглянул ему в глаза и увидел его душу».

тону. Такую роль при администрации Буша играл Генри Киссинджер. У Путина с Клинтоном состоялось несколько встреч – в Давосе и в Москве, о содержании которых почти ничего не известно. Однако насколько такая «амортизация» способна смягчить негативный эффект от откровенных попыток США противопоставить Медведева Путину? Можно предположить, что не слишком сильно. Путин показал себя политиком, который все помнит и не прощает попыток недостаточно считаться с собой. Другое дело, как и в какой форме это может почувствовать на себе администрация Обамы.

АМЕРИКАНСКАЯ ПРО В ЕВРОПЕ: КАК РАСЦЕНИТЬ РЕШЕНИЕ ОБАМЫ?

Решение Барака Обамы отложить или даже совсем отказаться от размещения элементов американской системы противоракетной обороны в Чехии и Польше, принятое в сентябре 2009 года, – это серьезный поворот во внешней политике Соединенных Штатов, прежде всего по отношению к России, но и в целом в Европе. Это то, насчет чего Россия, несмотря на хорошие личные отношения между Путиным и Бушем, не могла договориться все предыдущие годы. Американская администрация в период правления Буша не просто лоббировала, а, как пишет американская печать, «агрессивно лоббировала» строительство системы противоракетной обороны в Восточной Европе. Так было вплоть до ухода республиканцев в январе 2009 года из Белого дома.

Несомненно, решение Обамы – это разрыв с политикой Буша. Вместе с тем шаг нуждается в серьезном осмыслении. В сентябре 2009 года, встречаясь с членами Валдайского клуба, на вопрос, как он относится к Бараку Обаме, Владимир Путин ответил, что американский президент во время своего июльского визита в Москву произнес хорошие слова, и теперь мы ждем действий. И вот действия последовали: Обама отказался от одного из решений предыдущей администрации, которое вызывало наибольшие противоречия между Россией и Соединенными Штатами. У этого решения Обамы есть несколько аспектов.

Первый аспект – его последствия для российско-американских отношений. Последствия, безусловно, были позитивными. Вспомним: главный вопрос, который вызвал в Москве приход Обамы к власти, состоял в следующем: «Нам будет лучше или хуже при Обаме?» Одни говорили, что будет лучше, поскольку хуже уже было некуда. Другие, что Обама не сумеет изменить американскую внешнюю политику и в целом сохранит преемственность на российском направлении. Скептицизм был вызван, в частности, тем, что Обама взял к себе в команду многих традиционных американских политиков, таких, как министр обороны Роберт Гейтс, госсекретарь Хиллари Клинтон и вице-президент Джозеф Байден. И иногда казалось, что разговоры о «перезагрузке» – не более чем дымовая завеса, которая в очередной раз должна успокоить Москву и позволить американской администрации добиться поддержки по нужным для нее направлениям без всякой взаимности в отношении России.

В этой ситуации российская дипломатия показала Вашингтону, что Россия не испытывает заведомой враждебности к Обаме, готова его выслушивать, вести диалог, но никаких крупных шагов предпринимать не будет, пока не убедится в том, что он действительно изменил политику, а не только риторике. При этом, приехав в Москву в июле 2009 г., Обама не привез никаких приятных для нас решений. Наоборот, улетая, он увозил с собой приятные в основном для Америки договоренности относительно того, что Россия позволит использовать свое воздушное пространство для переброски военных грузов и различной боевой техники стран НАТО в Афганистан.

Это соглашение вызвало большой прилив энтузиазма у американской делегации. Я имел возможность общаться с ее членами во время их пребывания в Москве. Американские дипломаты и специалисты, которые занимались разработкой этого соглашения, были просто счастливы. Мне редко доводилось видеть таких радостных американских чиновников. Помощник Обамы по России Майкл Макфол и помощник министра обороны Александр Вершбоу, в прошлом – посол США в Москве, источали безграничный оптимизм и говорили об «историческом успехе» визита Обамы. И, учитывая крайне сложное положение для войск США и НАТО, которое создалось в Афганистане, их радость была вполне объяснима.

Словом, это было важное решение для Америки. И когда Обама уехал, *возник вопрос: а не используют ли нас, как обычно, в обмен на красивые слова? Мы настолько уже привыкли*

к такой формуле российско-американских отношений, что возникло подозрение, что мы опять пошли навстречу Америке в обмен на «неясные сигналы» из «туманного далека». После этого Москва заняла выжидательную позицию. Подписав соглашение по Афганистану, мы как бы сказали: «Все. Вы хотите нашей поддержки по Ирану и другим вопросам? Вы знаете, чего хотим мы. Думайте. Если вам нужна наша поддержка, то вы должны учесть российские интересы в серьезных вопросах, в частности по проблеме ПРО».

И вот в середине сентября Обама сделал встречный шаг, несмотря на предсказуемо истерическую реакцию, которую этот шаг вызвал в руководящих кругах Польши и Чехии. Это был первый серьезный практический шаг со стороны США навстречу России за последние двадцать лет.

Почему Обама пошел на такое решение? При том, что было ясно: за отказ от размещения системы ПРО в Восточной Европе его будут критиковать американские правые, идейные представители военно-промышленного комплекса США, а также восточноевропейские элиты, которые надеялись с помощью этой системы сementировать свой военный союз с Америкой.

И действительно: сразу после телефонных звонков Обамы премьеру Польши и президенту Чехии многие восточноевропейские эксперты и политики начали утверждать, что Обама таким образом «посылает сигнал России» о том, что она может вновь «поставить Восточную Европу под свое господство». Обаму также начали обвинять в том, что, отказавшись от системы ПРО в Восточной Европе, он «отдает ее на откуп России». Как будто Польша и Чехия не входят в НАТО и Евросоюз, как будто их безопасность не гарантирована Вашингтонским договором, как будто Россия имеет какие-то агрессивные намерения в отношении этого региона. С такого рода коллективным письмом выступили бывшие руководители стран Восточной Европы, типа Вацлава Гавела и Ландсбергиса.

Итак, почему же администрация Обамы, прекрасно понимая, как на это отреагируют в Восточной Европе, да и в самих США правоконсервативные круги, пошла на этот шаг?

Причин несколько. *И главная из них – Иран.* В начале 2009 года, в беседе со мной Том Фридман, один из ведущих американских обозревателей, сказал, что у администрации Обамы есть три главных приоритета: первый – это Иран, второй тоже Иран и третий – опять-таки Иран.

Иранская ядерная программа для США – это колоссальный вызов. Если Иран создаст атомную бомбу, то под вопросом окажется доминирование Соединенных Штатов на Ближнем Востоке. Под вопросом окажется и безопасность Израиля, а также устойчивость всей той системы союзов, которые американцы выстроили на Ближнем и Среднем Востоке. Под вопросом окажется и весь ныне безъядерный мусульманский Ближний и Средний Восток.

В настоящее время ядерное оружие есть в этом регионе только у ближайшего союзника США – Израиля. Если же Иран разработает бомбу, то есть опасность, что по этому пути пойдут Саудовская Аравия и Египет – суннитские державы, очень настороженно, чтобы не сказать враждебно относящиеся к нарастанию мощи шиитского Ирана. В случае наихудшего сценария через некоторое время на Ближнем Востоке будут соседствовать четыре ядерные державы – Израиль, Иран, Саудовская Аравия и Египет, которые находятся между собой в крайне сложных отношениях. США могут оказаться в сложнейшем клубке противоречий в этом крайне взрывоопасном регионе. И в этом смысле мы также заинтересованы в том, чтобы Ближний и Средний Восток не стали ядерными. В этом наши и американские интересы в принципе совпадают. Однако для США задача предотвращения появления ядерного Ирана неизмеримо важнее, чем для России.

В этой ситуации американская администрация решила: что лучше – продолжать вызывать антагонизм России сомнительным планом размещения системы ПРО в Восточной Европе или же отказаться от него? Сомнительным по двум причинам.

Во-первых, потому что было неизвестно, будет ли работать запланированная система. Уверенности на этот счет в США не было. И у Барака Обамы возникли в связи с этим обоснованные сомнения в целесообразности ее создания.

Во-вторых, потому, что система, запланированная при Буше, должна была вступить в действие не раньше 2015 года. То есть эта система носила перспективный характер, тогда как решение иранской проблемы носило для администрации Обамы насущный характер.

Наконец, весь сыр-бор разгорелся из-за одного радара в Чехии и десяти ракет в Польше. Эти две системы сами по себе не могли обеспечить полноценную ПРО в Европе, но зато подрывали всю сумму возможного партнерства между Москвой и Вашингтоном. Взглянув на происходящее, Обама решил, что гораздо важнее получить поддержку Москвы по тем вопросам, которые жизненно важны для Америки, чем потакать антироссийским истерическим комплексам части американской и восточноевропейской элиты. Таковы главные причины принятого им решения.

Однако перспективы американской системы ПРО в Европе остаются неясными. Будет ли она создаваться в другом регионе на базе уже действующих систем вооружений, например, в районе Черного моря? Будет ли участвовать в ней Россия или же новая система также будет направлена против России? И является ли отказ от плана Буша принципиальным отказом от создания системы без участия России и против нее, или временным шагом, продиктованным тактическими соображениями? Ответов на эти вопросы Россия не получила.

МЕДВЕДЕВ – ОБАМА: ОСОБЫЕ ОТНОШЕНИЯ

После того, как в середине сентября 2009 года Барак Обама принял решение об отказе от планов размещения системы противоракетной обороны в Европе, в Соединенных Штатах и вообще в западном мире, да и не только в западном, стали ждать, каким будет ответ Москвы. Москва сначала отреагировала весьма сдержанно. Сергей Лавров сказал, что администрация Обамы всего лишь исправляет ошибки администрации Буша и что Россия это не рассматривает как уступку. А Дмитрий Медведев заявил, что речь не идет о примитивных разменах, хотя Россия, безусловно, примет во внимание озабоченности США, поскольку США приняли во внимание озабоченности России. Хотя, напомним, объясняя свое решение, Обама отметил, что оно было принято не в виде уступки России, а потому, что планы администрации Буша были недостаточно продуманны и нуждались в пересмотре.

В ходе пребывания Медведева в Соединенных Штатах в ноябре 2009 года выяснилось, что фаза ожидания оказалась достаточно короткой. Находясь в Вашингтоне Медведев, со своей стороны, сделал шаг навстречу Барак Обама, заявив, что санкции в отношении Ирана могут стать неизбежными. Такую позицию Россия до той поры не занимала, и в мировой печати заявление Медведева было расценено как ясное указание на то, что Россия согласится на санкции в отношении Ирана, если дипломатия окажется бессильной. До тех пор Россия ставила вопрос по-другому: Москва подчеркивала, что только дипломатическим путем – путем переговоров – следует решать этот вопрос. Ужесточение санкций до конца 2009 года России вообще не рассматривала как приемлемый способ действий.

Таким образом, в позиции России произошел явный сдвиг – сдвиг навстречу Соединенным Штатам. Медведев также более не повторял своего предупреждения о возможности размещения ракет «Искандер» в Калининграде: поскольку администрация США отказалась от размещения в Польше противоракет, необходимость в таком шаге отпала. Однако насколько быстро надо было отвечать на ход Обамы? Некоторые эксперты и представители дипломатических кругов говорили, что Москва вполне могла взять паузу. Еще один вопрос – насколько далеко должна идти Россия в своем сдвиге навстречу Соединенным Штатам. Формулировка, которую Медведев использовал в Соединенных Штатах, была весьма обтекаемой. Он сказал, что наша задача – создать такую систему стимулов, которая позволит решить проблему мирного использования атомной энергии Ираном, с одной стороны, но не допустит создания им ядерного оружия – с другой. И только если не удастся создать такую систему стимулов, то санкции могут стать неизбежными.

Однако, возможно, главное было в другом. Поддержав усилия Обамы, Медведев, как представляется, преследовал особо важную для себя цель. Российскому президенту явно хотелось установить личные, доверительные отношения с Барак Обамой, точно так же как у Владимира Путина были особые отношения с Джорджем Бушем, и это поднимало вес Путина в глазах других зарубежных лидеров. *Именно поэтому Медведев не стал делать длительную паузу, а сразу обозначил свою новую позицию по Ирану.*

Насколько, однако, такие личные отношения способны повлиять на характер российско-американских отношений в целом?

Опыт «дружбы» Ельцина и Клинтона, а также Путина и Буша не дает оснований для чрезмерного оптимизма. Эта «дружба» облегчает контакты на высшем уровне, однако не предотвращает серьезного ухудшения отношений между двумя странами, что стало очевидным в 2007–2008 годах, когда ситуацию, возникшую между Россией и США, стали повсеместно называть «новой холодной войной».

Кроме того, в США нас по-прежнему рассматривают как потенциального противника. В докладе национальной разведки Соединенных Штатов за 2009 год ее руководитель Деннис

Блэр писал, что Россия относится к числу тех стран, которые могут представлять угрозу национальным интересам Соединенных Штатов. Блэр говорил о необходимости проникновения американских спецслужб во враждебные спецслужбы – и российские спецслужбы, следуя этой логике, конечно, тоже.

Словом, личные отношения между президентами – это одно, а логика внешнеполитической стратегии США – это другое. Доверительные контакты на высшем уровне, безусловно, полезны и создают важные дополнительные возможности для согласования подходов сторон. Вместе с тем, как показывает история, в том числе самая недавняя, они не способны оказать решающее воздействие на ситуацию в случае глубинного столкновения национальных интересов сторон.

КОМПЛИМЕНТЫ И РЕАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Во время встречи президента Соединенных Штатов Барака Обамы и президента России Дмитрия Медведева на саммите АТЭС, который состоялся в Сингапуре в середине ноября 2009 года, Барак Обама заявил, что кнопка «перезагрузки» уже сработала. И выдал очередной комплимент Медведеву, заявив, что тот откровенен, вдумчив и конструктивен в подходе к российско-американским отношениям.

Медведев был весьма любезен с Обамой, но более осторожен в высказываниях. Он не оценивал, сработала ли в полной мере «перезагрузка» и состоялась ли она. Медведев сказал, что переговоры с Обамой прошли в «товарищеской обстановке» (что, кстати, достаточно высокая оценка, поскольку о товарищеской обстановке с американским руководством в период после 2004–2005 гг. говорить не приходилось), и просто поблагодарил Обаму за работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.